

© 1992 г.

Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян
ЗОЛОТЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ ХРАМА ОКСА
(СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

Раскопки храма Окса (городище Тахти-Сангин) привели к открытию уникального для Средней Азии архитектурного сооружения, где было найдено около 5000 единиц храмового сокровища, лишь незначительная часть которых опубликована¹.

Первая золотая пластина (инв. № 1136/1091)² найдена в 1979 г. в юго-западном углу коридора 2 в 5 см над материком (рис. 1). Пластина гладкая, без изображений, ее размеры 5×1,9 см. По размерам она соответствует средним по величине (45×20 мм) пластинам клада Окса (№ 69, 75, 89, 93)³. Несмотря на то что она лишь полуфабрикат, она сложена втрое, как были сложены (втрое или пополам) все пластины Амударьинского клада, судя по сохранившимся на них невыпрямленным складкам, трещинам и обломам. На то, что все votивные пластины Амударьинского клада были сложены, по-видимому перед посвящением божеству, исследователями уже обращалось внимание⁴.

Две другие пластины подквадратной формы со сторонами, близкими к 2 см, были найдены в храме Окса в 1983 г. На одной изображение просматривается плохо из-за деформированности и множества складок: на лицевой стороне едва можно различить крылатое существо. Эта пластина найдена в коридоре № 6 на шестом метре от южного торца коридора (инв. № 4202/1091).

При раскопках Тахти-Сангина в 1983 г. в коридоре № 6 (западный отрезок внешнего обвода коридоров) на полу, на уровне материка, около центра западной стены, близ нее, была найдена прямоугольная пластина (размер 12,5×17,5 мм, № 4306/1091) (рис. 2). Одну из плоскостей пластины занимает выполненная в технике перегородчатой эмали сцена с изображением человека, ведущего влево верблюда. Мужчина, показанный в профиль, шагает влево. Ноги, обутые в остроносую обувь (сапоги), поставлены одна за другой. Левая рука, опущенная вниз и согнутая в локте, держит повод верблюда. Человек одет в короткий облегающий кифтан с поясом, с вогнутой полкой

¹ Разведочные раскопки на городище Тахти-Сангин проводились Б.П. Денике в 1928 г., А.М. Мандельштамом в 1956 г., планомерные раскопки ведутся с 1976 г. Тахтикубадским отрядом (руководитель — И.Р. Пичикян) Южнотаджикской археологической экспедиции (начальник — Б.А. Литвинский). См.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Новые открытия в Южном Таджикистане // Вестник АН СССР. 1980. № 7. С. 124 сл.; *idem*. Decouvertes dans sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. 1981. P. 195—216; *idem*. An Akinak Scabbard from Bactria // Soviet Archaeology. Recent Soviet Work on the Scythians and Related Ancient Civilizations. V. XXI. № 1—2. Summer-Fall, 1982. P. 139—182; *они же*. Бактрийский город Тахти-Сангин. Древние взаимосвязи и культурный синтез // Курьер ЮНЕСКО. 1985. № 8. С. 28—31.

² Все предметы, открытые на Тахти-Сангине, хранятся в Душанбе, в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана. Номера даются по инвентарной книге института «Тахти-Сангин».

³ Материалы Южнотаджикской экспедиции. Каталог выставки. М., 1983. № 96; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 96, №123; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. № 69, 75, 89, 93.

⁴ Barnett R.D. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. 1968. V. 8. P. 37.

Рис. 1. Храм Окса. Золотая пластина, сложенная втрое, — полуфабрикат. Фото И. Пичикяна

Рис. 2. Храм Окса. Золотая пластина. Бактриец, ведущий одногорбого верблюда. Фото В. Теребинина

(основанием), более низкой в задней части, и узкие штаны. Цвет ног и рук — желтоватый, кафтана — желто-охристый. Голова без деталей, выделена лишь прическа, так как каменные вставки лица и волос утрачены.

Сзади шествует влево животное — одногорбый верблюд. Спина в виде арочной кривой. Высокая, слегка изогнутая шея завершается небольшой головой с торчащим ухом. Ноги массивные, непропорционально короткие, с четко выделенными лапами. Хвост длинный, пушистый. Тело верблюда желтовато-коричневого цвета (каменная вставка). Фон композиции образован слоем белой пасты. Отметим также, что повод в верхней части раздваивается под углом и его концы подходят к средней части головы.

Все контуры обведены вертикально поставленной тонкой золотой полоской (высотой около 1 мм), ячейки заполнены вровень с обрезом полоски. Отметим, что по краю пластины обводной полоски нет (что необычно), вдоль края есть лишь ряд пунсонных вдавлений. Техническое исполнение очень тщательное.

Общий облик изображения не оставляет ни малейшего сомнения в том, что здесь использовалась излюбленная в ахеменидском искусстве, особенно в Персеполе, иконографическая схема.

На персепольских рельефах 21 из 23 делегаций подчиненных народов приносит в дар животных. В восьми случаях это кони, в пяти — верблюды. Двугорбые верблюдов ведут: IV делегация (жители Арей или Арахозии), VII делегация (жители Арахозии или Арейи), XIII делегация (жители Парфии), XV делегация (жители Бактрии). XX делегация (жители Аравии) ведет одногорбого верблюда. Во всех случаях процессия направляется вправо (а не влево, как на нашей пластине).

Двугорбые верблюды центральноазиатских делегаций имеют отлично выраженный экстерьер, анатомически правильно передающий фигуру могучего животного, с подчеркнутой рельефом мускулатурой передней лопатки и гладкой, но значительно более длинной задней ногой. Передний горб больше заднего, только у верблюда бактрийской делегации они почти равны (рис. 3—6)⁵.

Узда продета через ноздрю и завершается с одного конца раздвоенным узлом

⁵ Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L.—N.Y., 1941. Pl. LXXXI; Schmidt E.F. Persepolis I. Structure. Reliefs. Inscriptions. Chicago, 1953. Pl. 41; Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. B., 1966. Taf. 22; idem. Persepolis. Tübingen, 1980. Taf. 25.

Рис. 3. Персеполь. VII делегация. Арахосийцы или арси. Фото В. Грюневальд

Рис. 4. Персеполь. XIII делегация. Парфяне. Фото В. Грюневальд

типа «ласточкина хвоста». Наиболее четко это видно у верблюда IV делегации (рис. 5, 6)⁶. Совсем иначе выглядит одногорбый верблюд XX делегации (рис. 7, 8)⁷. Изображенный здесь араб ведет животное, похожее по своему контуру на изображение тахти-сангинской пластины, но воспроизведенное значительно более реалистически. Ноги у него несколько укорочены, но не так сильно, как у тахти-сангинского изображения. Угловатая спина со слабо выраженным горбом усиливает сходство. Верблюд арабской делегации имеет своеобразное охватывающее наголовье, без пропуска узды через рот, резко тем самым отличающееся от конского наголовья и вместе с тем принципиально иное, чем вышеописанная узда верблюдов центральноазиатских делегаций (рис. 7, 8).

На персепольских рельефах во всех случаях ведущий верблюда погонщик

⁶ Walser. Die Völkerschaften... Taf. 11, 42.

⁷ Schmidt. Op. cit. Pl. 46; Walser. Die Völkerschaften... Taf. 27, 76.

Рис. 5. Персеполь. IV делегация. Ареи или арахосийцы. Фото Б. Грюневальд

Рис. 6. Персеполь. XV делегация. Бактрийцы. Фото Л. Трюмпельманна

шествует *перед* верблюдом. Таким же образом ведет осла и представитель делегации Индии (XVIII)⁸. В случаях с конем, быком, бараном, козлом ведущий животное представитель соответствующей делегации находится за животным, на втором плане, чаще всего посредине его корпуса (рис. 3—8).

Таким образом, сходство, даже тождество композиционной схемы персепольских рельефов (персонаж, ведущий верблюда) и сцены на тахти-сангинской пластине бесспорны.

Конечно, бактрийский ювелир едва ли был лично знаком со скульптурными композициями Персеполя — тогда как могло возникнуть такое сходство?

Известно, что в ахеменидских столицах изготавливались небольшие каменные плитки с изображением различных персонажей и композиций. Такая трехрегистравая известняковая плитка, имеющая размер всего 20,0×17,6 см была найдена в Египте. В верхнем регистре — сидящие львиноголовые грифоны, в среднем — три группы терзания (лев — газель), внизу — шесть крылатых быков. Аналогичные предметы происходят из Сирии. Как подчеркивает Г. Франкфорт, из-за малого

⁸ Schmidt. Op. cit. Pl. 44; Watsier. Die Völkerschaften... Taf. 25. 72. 86.

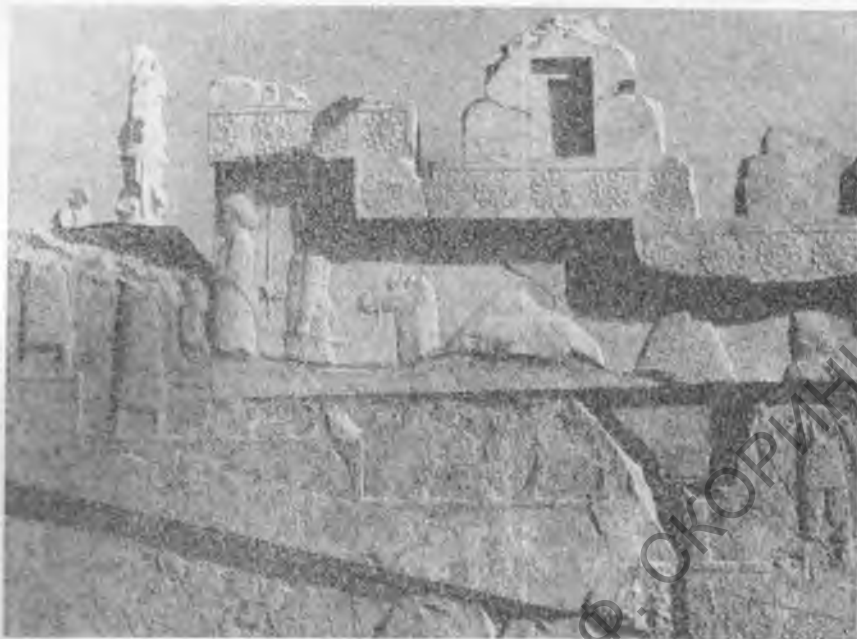

Рис. 7. Персеполь. XX делегация. Арабы. Фото Б. Грюневальд

Рис. 8. Персеполь. XX делегация. Арабы. Фото Б. Грюневальд

масштаба эти изображения не могли служить в качестве руководящей модели для скульптора: их использовали ювелиры в качестве образцов, своеобразных *Musterbücher*⁹. Следует добавить, что такие *Musterbücher*, должно быть, доставлялись не только в западные ахеменидские владения, но и в восточные.

⁹ Frankfort H. A Persian Goldsmith's Trial Piece // JNES. 1950. V. IX. № 2. P. 111 f. Pl. III.

Тахти-сангинский ювелир, очевидно, видел одно из таких изображений и использовал содержащуюся в нем художественно-композиционную идею, но не буквально.

Наряду со сходством столь же отчетливо видны и различия. Они проявляются в некоторых деталях и общих принципах. Отметим, что раздваивания верхней части повода нет ни на одном из изображений верблюда в Персеполе, можно думать, что иным было его крепление на голове. Все участники процессии в Персеполе направляются вправо, на тахти-сангинской пластине — влево и т.д. В отличие от грандиозной персепольской процессии, где характер изображений людей, животных и всех аксессуаров следовал вполне определенным требованиям, связанным с функциями Персепольского комплекса, сцена на маленькой золотой пластинке из Тахти-Сангина имела иное назначение и сакральный смысл — приношение верблюда божеству.

Дары, предназначенные земному владыке, следовало изобразить с абсолютной достоверностью, передав и обозначив каждую деталь: для божества этого, очевидно, не требовалось — важна была идея дара или жертвы, отсюда схематичность общего облика верблюда тахти-сангинской пластины.

Разумеется, это не было каким-либо жестким установлением и, вероятно, зависело от мировоззрения самого дарителя. Напомним, что в Амударьинском кладе есть и значительно более натуралистическое изображение верблюда. Это прямоугольная пластина, точнее, обломок пластины с передней частью двугорбого верблюда, идущего влево¹⁰. В этой связи следует упомянуть еще одну миниатюрную пластину из Амударьинского клада, где в двух «отсеках» имеются соответственно стилизованные изображения льва и человека, в третьем «отсеке» — зигзагообразные накладные перегородки, образующие треугольные гнезда для инкрустации¹¹.

Первый персонаж в композиции на пластине — это мужчина, ведущий верблюда. Он без головного убора, в коротком подпоясанном кафтане и узких штанах, заправленных в сапоги. Самые близкие аналогии мы находим на рельефах Персеполя в изображениях бактрийцев, ведущих двугорбых верблюдов. Остальные аналогии менее близки по ряду существенных деталей одежды. Представители народов Центральной и Средней Азии изображены в коротких кафтанах: все (за исключением бактрийцев) одеты или в башлыки — кирбасии, или в остроконечные шапки, или в тиары под башлыками. Арабы, ливийцы и эфиопы хотя и с непокрытой головой, но все в длиннополых одеждах, кандизах, плащах, а инды — в широко подпоясанных коротких юбках, набедренных повязках. Другие народы, также носящие короткие кафтаны: армяне, лидийцы, мидийцы и другие — все облачены в тиары, кирбасии, башлыки (рис. 3—5)¹².

Таким образом, одни бактрийцы (рис. 6) из всех народов в коротких подпоясанных кафтанах, но без головных уборов, со схожей прической — ниспадающей к плечу округлой прядью длинных волос¹³, остальные погонщики верблюдов одеты по-иному: арабы в длинных одеяниях¹⁴, арахосийцы и арейи¹⁵, парфияне¹⁶ — все в кирбасиях. Гандхары с непокрытой головой, но в плащах

¹⁰ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Work. Ed. III. L., 1964. P. 25. № 98; Ghirshman R. Perse. Proto-Iraniens. Medes. Achéménides. P., 1963; P. 261. Fig. 317; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог. Л., 1979. С. 58. № 98.

¹¹ Dalton. Op. cit. P. 16. № 37; Зеймаль. Ук. соч. С. 48. № 37.

¹² Существует обширная литература об одежде ахеменидского времени. См. последнюю превосходную работу с обширной библиографией: Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. X. Die elamisch-persische Tracht // AMI. 1990. Bd 21.

¹³ Walser. Die Völkerschaften... Taf. 22, 65.

¹⁴ Ibid. Taf. 27.

¹⁵ Ibid. Taf. 11, 14.

¹⁶ Ibid. Taf. 20.

поверх кафтанов¹⁷. Из народов, изображенных на персепольских рельефах, именно бактрийцы в наибольшей степени могут претендовать на сходство с погонщиком на тахти-сангинской пластине. К тому же очевидное отсутствие оголовья указывает на центральноазиатский способ крепления узды путем продевания ее через ноздри.

Второй персонаж композиции — это верблюд. В Старом Свете существуют лишь горбатые верблюды: с двумя горбами — бактрианы (*Camelus Bactrianus*) и одногорбые — дромадеры (*Camelus Dromedarius*). Эти названия даны еще Карлом Линнеем в 1766 г. «Бактриан имеет большую оброслость, два горба, преобладание темных тонов в окраске, более удлиненное туловище, слабую способность к бегу. Дромадеры имеют более короткую, нередко курчавую шерсть, один горб, расположенный как бы в промежутке горбов бактриана, более прямую шею... более осветленные тона в окраске и большую способность к быстрым аллюрам; череп у дромадера меньше, чем у бактриана»¹⁸. Вместе с тем при сравнительно коротком туловище они обладают длинными конечностями¹⁹.

Мы не можем здесь останавливаться на общих проблемах domestikации и распространения верблюда в Евразии²⁰. Отметим лишь, что верблюды в Месопотамии были представлены одно- и двугорбыми видами. По мнению А. Салонена, двугорбые происходили с востока (Бактрия), одногорбые — с юга (Аравия). Среди терракот убейдского времени из Урука есть горс одного дромадера, но может быть, это дикое животное. Согласно шумерским текстам, Таммуз использовал верблюжье молоко. На одной печати II тыс. до н.э. (в сирийском стиле) изображен человек, сидящий на двугорбом верблюде.

Только в среднеассирийское и в начале новоассирийского времени верблюды в Месопотамии стали употребляться как вьючные, верховые, временами — тягловые животные. Ассирийцы, судя по надписям и рисункам, использовали главным образом двугорбых верблюдов, одногорбых же получали в добычу, иногда в очень больших количествах — так, называется их число 30 000, которые получил Тиглатпаласар III (744—727 гг.). Есть сведения и об их использовании в войне Саргона II (721—705 гг.) для перевозки грузов.

Первый случай упоминания одногорбых верблюдов — в надписи Салманасара III (858—824 гг.). Основной термин для его обозначения *ibili*, заимствование из арабского *'iblu*, *'ibilun*. Двугорбый верблюд обозначен термином **udru*, также заимствованным, как считает А. Салонен, возможно, из Бактрии или из соседних областей, во всяком случае, из индоевропейского ареала²¹.

Два вида верблюдов представлены на памятниках искусства Месопотамии. Арабские женщины, просящие милости цари, одногорбые верблюды изображены на рельефах центрального дворца в Нимруде²². На бронзовых воротах царя Саламанасара III из Балавата в некоторых сценах присутствуют одногорбые верблюды²³. Есть они и в других произведениях искусства²⁴. В рельефах дворца

¹⁷ Ibid. Taf. 21.

¹⁸ Бергрин А.П., Благовещенский В.В. и др. Верблюдоводство. Алма-Ата — Москва, 1934. С. 65.

¹⁹ Лакоза И.П. Верблюдоводство. М., 1953. С. 75.

²⁰ См. об этом: Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигура верблюда из Оренбургской области и проблема domestikации бактрианов // СА. 1963. № 2; *Bulliet R.W.* The Camel and Wheel. Cambr. Mass., 1975.

²¹ *Salonen A.* Hippologica Accadica. Helsinki, 1955. S. 84—92; *Heimpel W.* Kamel // *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd V. B. — N.Y., 1976—1980. S. 330—332. Характерно, что специалисты, изучающие ассирийское искусство, при идентификации арабов (собственно — *arabu*) одним из этнических признаков считают присутствие в изображениях дромадера; см. *Wdfler M.* Nicht-Assyrer neuassyrischer Darstellungen. Neukirchen—Vluyn, 1975. S. 144—155. Taf. 11. Plan. 3.

²² *Barnett R.D.* Assyrian Palace Reliefs. L., s.a. Pl. 39.

²³ *King L.W.* Bronze Reliefs from the Gates of Salmaneser King of Assyria B.C. 860—825. L., 1915. Pl. XXIII—XXIV; *Strommenger E.* The Art of Mesopotamia. L., 1964. Pl. 212.

²⁴ *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient East. Harmondsworth, 1963. Pl. 102/b.

Ашшурбанипала (668—635/27 гг.) в Ниневии воспроизведена битва ассирийцев с арабами, сражающимися верхом на одnogорбых верблюдах²⁵. Двугорбые верблюды есть на рельефах дворца в Хорсабаде²⁶. Есть и ряд других примеров²⁷. Впрочем, верблюд в месопотамском искусстве — особая тема.

В монументальном ахеменидском искусстве верблюд, как указывалось выше, изображался очень часто. Значительно реже он привлекал внимание художников и мастеров, работавших в разных областях немонументального искусства. Можно указать (помимо описанной выше пластины из Амударинского клада) на золотую пластинку-накладку в виде скачущего галопом вправо двугорбого верблюда. Непропорционально короткие передние ноги выброшены почти горизонтально вперед, длинные задние отведены в противоположную сторону, верблюд как бы отталкивается от земли. Место происхождения — Хамадан²⁸.

На одной из ахеменидских печатей Британского музея (инв. № 117 716) изображение в ассирийской манере — всадник на лошади, занесший над головой копьё, преследует едущего вправо на верблюде человека, обернувшегося назад. Верблюд одnogорбый, горб скрыт под седлом, который, судя по контуру, был низким и округлым. Фигура изображена пропорционально, с тонкими и высокими ногами²⁹.

Сопоставление показывает сходство в некоторых деталях, в частности в том, что касается очень тонкой и длинной шеи. Более существенно, что в отличие от ахеменидских рельефов, где основание лапы раздвоено, здесь оно не только четко выделено округлым вырезом сзади (как на тахти-сангинской пластине), но и подчеркнуто в целом, напоминая своей трактовкой копыта скачущей лошади. На тахти-сангинском изображении лапы верблюда также подчеркнуты, но другим способом.

Изображение верблюда встречается и на других произведениях ахеменидской глиптики³⁰. Позже, в сасанидское время, на территории Ирана продолжали существовать одно- и двугорбые верблюды. Об этом имеется прямое указание в Бундахише, причем в Западном Иране в это время преобладал одnogорбый верблюд³¹.

В Средней Азии очень рано, начиная с позднего энеолита, получили распространение одно- и двугорбый верблюды. На Кара-Тепе были найдены статуэтки

²⁵ Ibid. Pl. 110—115.

²⁶ Loud G. Khorsabad. Pt I. Chicago, 1936. P. 42. Pl. 55.

²⁷ Buren E.D. van. The Fauna of Ancient Mesopotamia as Represented in art // *Analecta Orientalia*. 1939. 18. О том, что и в греческом искусстве изображались оба вида верблюдов, свидетельствуют изображения на геммах, хотя там двугорбые верблюды преобладают: Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Bd I. Tafeln. Lpz — B., 1900. Taf. XII, 49, LII, 49; Beschreibung und Erklärung der Tafeln. S. 41, 203; Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. N.Y., s.a. P. 29, 351, 355. Ill. 526, 901, 917; Richter G.M.A. Engraved Gems of the Greeks and the Etruscans. L., 1968. P. 115 f. № 96, 6 — 25, 4. Tab. 429, 430. На мюнхенской вазе беотийского стиля V в. до н.э. есть изображение мужчины, ведущего верблюда вправо и держащего его за длинный повод, верхний конец которого обтягивает переднюю часть морды животного: Marin-Jean. Le dessin des animaux en Grèce d'après les vases peints. P., 1911. Fig. 144. О взаимоотношении греческого и собственно ахеменидского в ахеменидском изобразительном искусстве см.: Kawami T.S. Greek Art and Persian Taste: Some Animal Sculptures from Persepolis // *AJA*. 1986. V. 90. P. 259—267.

²⁸ Musée Cernuschi. Iran. Pièces du Musée de Téhéran, du Musée du Louvre et de collections particulières. P., 1948. P. 38 suiv.; Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959. P. 109. Pl. 135 e. Относительно группы ахеменидских изделий, которым приписывается хамаданское происхождение, см. Muscarella O. Wh. Excavated and Unexcavated Achaemenian art // *Ancient Persia: The Art of Empire*. Bessera, Udena, 1980. P. 31—35.

²⁹ *Bulliet*. Op. cit. P. 84. Pl. 36.

³⁰ Amiet P. Le bestiaire des sceaux de l'ancien Orient. Extrait du catalogue de l'exposition «Le Bestiaire». P., 1974. P. 9. № 30; Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939. P. 221. Pl. XXXVII/m; Boardman J. Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire // *Iran*. 1970. V. VIII. P. 40. Fig. 6, 14.

³¹ Anklesaria B.T. Zand-Akâsih: Iranian or Greater Bundahišn. Bombay, 1956. P. 121; *Bulliet*. Op. cit. P. 169, 172; Russell J. A wandering Herder of Camels // *Annual of Armenian Linguistics*. 1987. V. 8. P. 7.

обоих видов: в Анау в слоях V тыс. до н.э. обнаружены кости двугорбого верблюда. Кости двугорбого верблюда-бактриана входят в состав фауны Шах-Тепе III (3000—2500 гг. до н.э.). Южнотуркменистанские комплексы второй половины III — начала II тыс. до н.э. содержат довольно многочисленные модели четырехколесных повозок с впряженными в них фигурками верблюдов³². Фигурка одногорбого верблюда найдена на Шахри-Сухте³³. Изображение верблюдов встречаются и в материалах II тыс. до н.э. из Маргианы. Как нам любезно сообщил В.И. Сарияниди, недавно на Тоголоке-21 в храмовом комплексе был найден каменный амулет с ритуальными изображениями. На одной стороне амулета изображение верблюда. Наконец, на одной цилиндрической печати из низовий Мургаба имеется изображение двугорбого животного, очевидно верблюда, которого держит за повод сидящий перед ним человек³⁴.

На территории Северной Бактрии присутствие верблюда зафиксировано со времени около середины II тыс. до н.э., например на Сапалли-Тепе. Там же в погребении 82 на крестообразной нашейной подвеске изображение бегущего, обернувшего голову назад двугорбого (?) верблюда³⁵. В области Балха обнаружены украшавшие сосуд статуэтки, изготовленные в виде двугорбого верблюда, также эпохи бронзы³⁶.

Чрезвычайно интересна находка бронзового амулета, на одной стороне которого центральная часть поля занята изображением двугорбого верблюда с высоко посаженной головой, которого ведет за повод юноша или мальчик³⁷. Таким образом, уже во II тыс. до н.э. иконографическая схема — человек, ведущий верблюда, — появилась в Средней Азии. Этот амулет — что исключительно важно — был найден на территории круглого храма Дашлы-3³⁸.

Из сообщения Ктесия явствует, что в древней Бактрии было много верблюдов, которые использовались, в частности, в военном деле (Diod. II. 16. 8—10; 17.2). Описывая каспиев, Диодор говорит, что у «каспиев верблюдов большое количество, крупнейшие (из них) величиной с самых больших лошадей, шерсть они имеют необычайно хорошую. Шерсть их очень нежна, так что по мягкости не уступает милетской шерсти. Одежду из них надевают жрецы и самые богатые и влиятельные из каспиев»³⁹. На территории Северной Бактрии Александр Македонский получил от местной знати вместе с другими животными и две тысячи верблюдов (Curt. VIII.4.19). Плиний четко различает две породы верблюдов: двугорбую и одногорбую (Plin. NH. VIII.18.67).

Есть указания, что и в древней Бактрии наряду с двугорбыми водились и одногорбые верблюды: при войске Александра Македонского были специальные гонцы, передвигавшиеся на дромадерах. Это явствует из эпизода о тайном приказе Александра убить отца Филота Пармениона, про которого сообщают многие античные авторы: Плутарх (Alex. 49), Курций Руф (VII.2.18), Арриан

³² Ср. Кузьмина. Ук.соч. С. 39—40. Прим. 3; Массон В.М. Экономический и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1976. С. 41.

³³ Bulliet. Op. cit. P. 303.

³⁴ Масимов И.С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. 1981. № 2. С. 143. Рис. 9; Сарияниди В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. 1986. № 2. С. 44.

³⁵ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 120. Табл. XV, 3.

³⁶ Sarianidi V. Die Kunst des alten Afghanistan. Architektur, Keramik, Siegel, Kunstwerke aus Stein und Metall. Lpz, 1986.

³⁷ Фото амулета и оттиска с него см.: Ibid. S. 239 f. Abb. 116; прорисовку: Сарияниди В. Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1986. № 10. Рис. 4, 33.

³⁸ Сообщение В.И. Сарияниди.

³⁹ Пьянков И.В. Средняя Азия в сообщениях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 65, 87.

(III.26.1—4), Диодор (XVII.80.3) и Страбон (XV.2.10). Однако только Диодор и Страбон подчеркивают, что тайные гонцы с приказом были посланы на верблюдах-дромадерах (δρομάδων καμήλων). Согласно Страбону, «Александр послал нескольких человек в Экбатаны с приказанием убить отца Филота, как соучастника в заговоре. Посланные, как сообщают, прошли на верблюдах-дромадерах 30 или 40-дневный путь в 11 дней и выполнили поручение» (XV.2.10).

Из этих сообщений явствует, что одногорбые верблюды, используемые гонцами, проходили путь в 3—4 раза быстрее, чем сменные лошади, так как путь обычно исчислялся по стоянкам царской дороги.

Этимология термина, означавшего дромадера: δρομάς, — ἄδος — «скачущий», δρομεύς — «скороход», δρομαίος — «несущийся», вполне соответствует его быстроходности (L—S—J, s.v.). Двугорбые верблюды были значительно крупнее, тяжеловеснее и соответственно менее пригодны для скоростного продвижения на большие расстояния по пустыням.

К сожалению, мы не имеем данных о количественном соотношении в древней Бактрии верблюдов бактрианов и дромадеров, поэтому уместно привести материалы о современном верблюжьем поголовье. В 1936 г. на юге Узбекистана, в Кашкадарьинской области, в стаде было 76,5% дромадеров и лишь 1,7% бактрианов. Гибридов второй генерации имелось 8,5%⁴⁰. В Таджикской ССР основное место также занимали дромадеры. В Южной Туркмении, за исключением единично встречающихся бактрианов, абсолютно преобладали дромадеры⁴¹. Можно предположить, что и в древности в Бактрии значительное (если не преобладающее) место занимали одногорбые верблюды — дромадеры, а также, очевидно, как и сейчас, были распространены и гибриды дромадеров и бактрианов.

Но точным ли будет впечатление, что на тахти-сангинской пластине изображен именно одногорбый верблюд — дромадер? Горба как такового на изображении нет. В иранском искусстве мы в некоторых случаях встречаем близкие, хотя и не тождественные изображения, например, верблюд XX делегации. В значительно более позднее время еще более близкие аналогии встречаются на сасанидских печатях. Таков верблюд на одной печати из коллекции М. Фуруги: спина животного имеет вид изогнутой кривой без признаков выступающего горба, корпус грузный, особенно в задней части, ноги непропорционально короткие⁴². Близко, но также не идентично изображение верблюда на одной печати из Касри Абу Наэр, хотя «горбатость» здесь выражена четче. На одной из печатей с изображением верблюда из этого памятника в надписи читается, кстати, слово «жрец»⁴³.

Среди сасанидских печатей Британского музея есть изображение — человек ведет верблюда вправо⁴⁴. Там же имеется одна печать с изображением скачущего влево верблюда со всадником. Кривизна спины верблюда точно такая же, как и на тахти-сангинской пластине⁴⁵. Ноги верблюда в некоторых случаях не совсем пропорциональны.

Однако все эти изображения связаны с тем, что в древности проводилось межвидовое скрещивание дромадеров и бактрианов. От скрещивания гибридов первой генерации с дромадерами получаются гибриды, называемые современными

⁴⁰ Бабушкина В.А. Дромадеры, бактрианы и гибриды Узбекской ССР // Верблюдоводство в СССР по материалам зоотехнических обследований в 1935—1937 гг. М., 1938. С. 14.

⁴¹ Лакоза П.П. Размещение видов и пород верблюдов на территории СССР // Верблюдоводство... С. 262—270; Верблюдоводство / Под ред. С.М. Терентьева. М., 1975. С. 11.

⁴² Bulliet. Op. cit. P. 174. Fig. 84.

⁴³ Harper P.O. Representational Motifs on the Sealings // Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seal, Sealings and Coins. Camb. Mass., 1953. P. 74. Fig. D-286.

⁴⁴ Bivar A.D.H. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals. II: The Sasanian Dynasty. L., 1969. P. 83. Pl. 14/EL-6.

⁴⁵ Ibid. P. 83. Pl. 14/EL-5.

туркменами *кõхэрт* (самец) и *кердари* (самка). Горб у этих гибридов второй генерации бывает «уменьшенных размеров, у слабо упитанных верблюдов почти не заметен совсем, и тогда спина является в форме сильно выгнутой арки»⁴⁶. Гибриды второго поколения более мелкие, чем первого, и еще мельче, чем бактрианы⁴⁷. Изучение зоотехнической литературы, сопоставление фотографий этих гибридов с таhti-сангинским изображением позволяют заключить, что очертания спины у них тождественны.

Итак, на таhti-сангинской пластине, как и в ряде других случаев, изображен не одnogорбый верблюд-промадер, а гибрид второго поколения с преобладанием крови промадера.

Остановимся теперь на технике таhti-сангинской пластины. В древнем ювелирном искусстве использовалось несколько видов инкрустации металлических изделий. Один из них осуществлялся вставкой драгоценных и полудрагоценных камней или же кусочков стекла. Другой — вставлением эмалей, при этом на металлическом изделии делались специальные углубления — гнезда или же такие гнезда образовывались закрепленными на подложке металлическими перегородками. Перегородки изготовлялись из проволоки (часто граненой) или же из тонких металлических полосок, которые надо было припаять к основе — подложке, а затем швы перегородки, припой, все шероховатости сглаживались шлифовкой. Все это требовало величайшей тщательности и аккуратности таких припоев, которые обладали бы более высокой температурой плавления, чем температура обжига эмали на металле. Впрочем, при изготовлении несложных рисунков припаять перегородки было необязательно: их сцепления с эмалью, а эмали с подложкой было достаточно для прочного скрепления. После этого производилась зачистка и шлифовка.

Значительные технические сложности представляло образование контура изображения (или орнамента) с помощью перегородок. Часто мастер вначале наносил линии на подложку, затем приклеивал по этому контуру полоску или же производил изгиб полосок на другой пластине с рисунком, а затем переставлял полученный контур на подложку⁴⁸. Следует еще добавить, что инкрустация способом вставок из драгоценных и полудрагоценных камней и кусочков стекла в гнезда принципиально отличается от другой техники, когда эмаль вплавлена в эти ячейки, хотя на практике в случае со стеклянными вставками это не всегда легко установить⁴⁹.

Таhti-сангинская пластина относится ко второму типу изделий в комбинации с первым. Техника эта получила в мировой литературе название *cloisonné* — клуазонне, в отечественной литературе чаще применяется термин «перегородчатая эмаль». Эта техника нашла применение и в ахеменидской торевтике. А.М. Дальтон считал, что вероятным местом изобретения этой техники был Египет. Он применялся в Ассирии (например, в изделиях из слоновой кости из Нимруда), а затем распространился в Урарту и Иране. Из Ассирии и Ирана он попал к скифам⁵⁰. Д.Т. Райс подчеркивал, что происхождение этой техники следует искать на

⁴⁶ Бергрин, Благовеценский и др. Ук. соч. С. 2, 173. Рис. 57; Лакоза. Ук. соч. С. 79, 98. Рис. 40.

⁴⁷ Верблюдоводство. С. 68.

⁴⁸ *Linac Ch.de. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnee. Recherches. T. I. P., 1877; Кондаков Н.П. История и памятники византийской эмали. Собрание А.В. Звенигородского. СПб., 1892; Rosenberg M. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Bd. I. Frankfurt am Main, 1974; Варгин В.В., Антонова Е.А. и др. Технология эмали и эмалирования металлов / Под ред. В.В. Варгина. М., 1965; Бренполь Э. Художественное эмалирование. Л., 1986, и др.*

⁴⁹ *Maryon H., Plenderleith H.J. Fine Metal-Work // A history of technology / Ed. by Ch. Singer, E.J. Holmyard, A.R. Hall. V. I. Oxf., 1958. P. 661.*

⁵⁰ *Dalton. Op. cit. P. XIII f.*

Востоке в широком смысле, конкретизация, по его мнению, пока невозможна⁵¹. Высказывались и другие точки зрения⁵².

Последующие находки и исследования позволили сделать картину возникновения и развития перегородчатой эмали более ясной. Египетские ювелиры применяли с непревзойденным искусством эту технику в эпоху Среднего царства. Во всяком случае, эта техника была засвидетельствована в изделиях XIX в. до н.э.; изобретение стекла расширило ее возможности — она распространилась и на деревянные изделия. Египетские изделия, выполненные в этой манере, экспортировались в Библ. Финикийцы стали ее применять при изготовлении предметов из слоновой кости, затем этот способ украшения слоновой кости пришел и в Месопотамию — в первом веке I тыс. до н.э.⁵³

При рассмотрении вопроса о времени распространения техники клуазонне следует учесть и наличие такой важной предпосылки, как стеклоделие. Новейшие открытия и исследования приводят к заключению, что изготовление стеклянных сосудов в Месопотамии было изобретено около середины II тыс. до н.э., причем независимо от Египта. Так, в Тель ал-Римах юго-западнее Ниневии найдены фрагменты сосуда из мозаичного стекла, стеклянные пластины и амулеты. Находки датируются около 1500 гг. Можно указать и на стеклянные мозаичные пластины из Акар Куф (древний Дур Куригалзу — дворец каситских правителей, в 20 милях западнее Багдада). Это также пластины из прекрасного мозаичного стекла. В ассирийских текстах о стеклоделии конца II тыс. до н.э., согласно переводу Л. Оппенгейма, говорится, что стены были украшены стеклянными изразцами.

Такие находки сделаны и в Иране — прекрасные мозаично-стеклянные кубки из Марлика (1200—1000 гг. до н.э.) и из Хасанлу (с изображениями — слой IX в. до н.э.). Многочисленны находки из Чога-Занбил юго-восточнее Суз (XIII в. до н.э.) стержней из спирально сплетенных полосок белого и черного стекла. А. Зальдерн считает, что, хотя мозаичные кубки были импортированы из Ассирии, вся совокупность находок, включая бусы, позволяет думать о возможности существования традиции стеклоделия в Иране уже в конце II тыс. до н.э.

Сама техника изготовления мозаичного стекла, особенно наложение друг на друга кусочков стекла разного цвета в холодном состоянии (при изготовлении пластин), а затем их нагревание и сплавление⁵⁴, безусловно, подготовила переход к технике клуазонне. Добавим, что в Ахеменидском государстве продолжались традиции новоассирийского стеклоделия, и оно достигло высокого развития, известны разнообразные сосуды и другие изделия, выполненные с большим мастерством⁵⁵.

⁵¹ Rice D.T. Achaemenid Jewelry // SPA. V. I. Second impression. Tehran — London — New York—Tokyo, 1967. P. 378, 779—783.

⁵² Margulies E. Cloisonné enamel // SPA. V. II. Second impression. Tehran — London — New York — Tokyo. 1967. P. 779—783.

⁵³ Bennett R.D. A Catalogue of the Nimrud Ivories with Other Examples of Ancien Near Eastern Ivories. L., 1957. P. 156 f.; McKeon J.F.X. Achaemenid Cloisonné-Inlay Jewelry: an Important New Example // Orient and Occident. Essays presented to Cyrus H. Gordon / Ed. by H.A. Hoffner. Neukirchen — Vluyn, 1973. P. 111 f.; Higgins R. Greek and Roman Jewelry. Sec. ed. USA, 1980. P. 24.

⁵⁴ Saldern A. von. Mosaic Glass from Hasanlu, Marlik and Tell al-Rimah // Journal of Glass Studies. 1966. V. VIII. P. 9—25. Fig. 1—17. См. также: Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., Saldern A. von. Glass and Glass-making in Ancient Mesopotamia. Coening — New York, 1970; Moorey P.R.S. Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia: the Evidence of Archaeology and Art. Metals and Metalwork, Glazed Materials and Glass. Oxf., (BAR International series, 237). P. 194—231.

⁵⁵ Schmidt E.F. Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries. Chicago, Illinois, 1957. P. 91—93; Barag D. Catalogue of Western Asiatic Glass in the British Museum. V. I. L., 1985. P. 57—59. О стеклоделательной мастерской в Сардах середины VI в. до н.э. см.: Brill R.H., Cahill N.D. A Red Opaque Glass from Sardis and Some Thoughts on Red Opaques in General // Journal of Glass Studies. 1988. V. 30. P. 16—27.

В украшениях на Переднем Востоке элементы этой техники стали применяться очень рано. В раннединастическом захоронении Ура есть золотые серьги с гнездами в технике клуазонне с драгоценными камнями⁵⁶.

К началу II тыс. до н.э. относятся украшенные в такой технике золотые булавки из Трои с ячейками для драгоценных камней⁵⁷; из Ура времен третьей династии⁵⁸. В XV в. эта техника стала применяться ювелирами Алалаха в Северной Сирии⁵⁹. К XVI в. до н.э. относятся золотые серьги из IX слоя el-Ajjul⁶⁰. В относящейся к XIII в. до н.э. гробнице 45 из Ашшура имеется пектораль, выполненная в технике клуазонне. Здесь есть, в частности, составленные из двух круглых золотых дисков пластины. На их поверхности с помощью вертикальных к основанию золотых полосок образованы кружки, внутри которых таким же образом — розетка, центральная часть и лепестки заполнены лазуритовыми вставками. Все же поле диска залито битумом, в который вдавлены мелкие кусочки стекла и камней⁶¹. К.Р. Максвелл-Хислоп считает, что истоки этой техники находились в Египте⁶². Ближе к истине, пожалуй, П.Р. Мура, который полагает, что тесные связи с Египтом, для которого эта техника была типичной, «стимулировали употребление техники клуазонне в Месопотамии и Иране»⁶³.

Конечно, техника клуазонне прежде всего металлическая, однако так называют и украшения ячеек резной кости, например на изделиях IX—VIII вв. до н.э. из Самарии, Арсланташа, Нимруда, а с VII в. до н.э. — материковой Греции. В изделиях сирийской (но не финикийской) школы в центре гнезда делалось углубление — туда заливался, вероятно, клей⁶⁴. В Хасанлу, разрушенном в конце IX в., найдено много изделий из слоновой кости, среди которых есть и изготовленные в Иране. Последние нередко украшены в технике клуазонне, однако сами вставки на изделиях местного стиля из Хасанлу не сохранились⁶⁵.

Отметим также, что некоторые исследователи предлагают различать две техники: вставки (инкрустации) типа клуазонне и клуазонне с заполнением ячеек эмалью («true» cloisonné) — собственно клуазонне. Последняя отличается насыпанием в ячейки глазурного порошка с последующим его растоплением. Они полагают, что в слоновой кости Нимруда родственная, но другая техника — здесь ячейки образованы углублением, это скорее *champlevé*⁶⁶.

Что же касается иранских изделий в технике клуазонне, Д. Стронах утверждает, что «едва ли не с полной определенностью следует обратить внимание на Ассирию, где эта техника явно развивалась во всех главных ремесленных центрах», и в этой связи обращает внимание на пектораль из Ашшура (о ней см. выше)⁶⁷. В Иране наиболее ранние экземпляры техники клуазонне с инкрустационными

⁵⁶ Maxwell-Hyslop K.R. *Western Asiatic Jewelry c. 3000—612 B.C. L.*, 1974. P. 13 f.

⁵⁷ *Ibid.* P. 56.

⁵⁸ *Ibid.* P. 65.

⁵⁹ McKeon. *Op. cit.* P. 113.

⁶⁰ *Ibid.* P. 118, 119. Pl. 82—83.

⁶¹ *Ibid.* P. 173 f. Fig. 106; P. 113. Об этой пекторали см. также: Haller A. *Die Gräber und Gräfte von Assur. B.*, 1954. S. 129. Taf. 28b.

⁶² Maxwell-Hyslop. *Op. cit.* P. 167.

⁶³ Moorey. *Op. cit.* P. 87.

⁶⁴ Barnett. *A Catalogue...* P. 156 f.; Mallowan M.E.L. *Nimrud and its Remains. V. II. L.*, 1975. P. 520, 522, 524, 554—558. Pl. 425—434, 493—499; Barnett R.D. *Ancient Ivories in the Middle East. Jerusalem*, 1982. P. 14, 49, 53, 59; Barag D. *Glass Inlays and the Classifying and Dating of Ivories from the Ninth — Eighth Centuries B.C. // Anatolian Studies. 1983 (1984). V. XXXIII.*

⁶⁵ Muscarella O.Wh. *The Catalogue of Ivories from Hasanlu, Iran. Philadelphia*, 1980. P. 60 (№ 125-126), 106 (№ 211).

⁶⁶ McKeon. *Op. cit.* P. 111 f.

⁶⁷ Stronach D. *Pasargadae. A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxf.*, 1978. P. 177.

вставками связаны с Сузами — это, вероятно, первая половина II тыс. до н.э.⁶⁸ Серединой II тыс. до н.э. датируется пара серег с лазуритовыми вставками в ячейки⁶⁹ Одним из самых ранних примеров применения этой техники в Иране является диск эламского происхождения, украшенный методом клуазонне с применением пасты и драгоценных камней⁷⁰.

Уже в XIV—XI вв. в золотых изделиях из Марлика широко применялось устройство ячеек в различных орнаментах. Иногда в эти ячейки вставлялись драгоценные камни⁷¹. Путь для «истинной» клуазонне был подготовлен.

Отметим, что на территорию Ирана в начале I тыс. до н.э. попадали из Ассирии изделия, где целые композиции делались при помощи углубления фона с последующей заливкой в гнезда голубой пасты (Хасанлу)⁷². Это подготовленные ступени для возникновения подлинной клуазонне.

В этом плане особый интерес представляет рукоятка кинжала или меча IX в. до н.э. из Хасанлу. Здесь использована техника клуазонне: тонкие золотые пластины очерчивают фигуру идущего вправо мужского персонажа, по сторонам — орнаментальные мотивы. Ячейки заполнены цветной пастой. Э. Порада не думает, что это изделие, как и более позднее таким же способом украшенное изделие из Зивийе, является исходным пунктом для развития этой техники в Иране. Она предполагает, что техника перегородчатой эмали в Иране возникла раньше и где-то в другой части Ирана⁷³.

Применялся этот тип украшений и в Сялке в некрополе А (например, в гробнице V), а также в некрополе В (например, в гробнице 3), где открыто много серебряных украшений⁷⁴. Использовалась эта техника и в Урарту⁷⁵.

В технике клуазонне исполнены золотая бляшка из Хамадана⁷⁶ и золотой лев из коллекции Видаля (инкрустация пастой или камнем)⁷⁷. Эта техника, хотя и не особенно часто, применялась и в ахеменидское время⁷⁸. Среди ахеменидских изделий, выполненных в этой технике, выделяются сложные золотые серьги с множеством трехугольных и овальных бирюзовых вставок (коллекция Норберта Шиммеля и коллекция Бостонского музея изящных искусств)⁷⁹ конца V — середины IV в. до н.э., серьги и бляхи из Суз⁸⁰. Такая же, по-видимому, техника характерна для изданных Р.Д. Барнетом золотых бляшек из коллекции Британского музея (шифр 132109 и 132108), где цветной пастой (?) были украшены кружки и овалы на теле идущих влево с открытыми пастями львов⁸¹.

⁶⁸ Maxwell-Hyslop. Op. cit. P. 84. Pl. 59/c; McKeon. Op. cit. P. 84. Pl. 113.

⁶⁹ Maxwell-Hyslop. Op. cit. P. 159. Pl. 121; McKeon. Op. cit. P. 113

⁷⁰ Muscarella O. Wh. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1988. P. 228.

⁷¹ Negahban E.O. A Preliminary Report on Marlik Excavation. Gohar Rud Expedition. Rudbar 1961—1962. Tehran, 1964. P. 47—67. Fig. 67; idem. Pendants from Marlik // Iranica Antiqua. 1989. V. XXIV. P. 175—198. Pl. 1. См. также: idem. Metal Vessels from Marlik. München, 1983. Taf. 14.

⁷² Winter I.J. A Decorated Breastplate from Hasanlu, Iran, Philadelphia, 1980. P. 22 f. Fig. 57—58.

⁷³ Porada E. Alt-Iran. Die Kunst in vorislamischer Zeit. Baden-Baden, 1962. S. 108, 111. Abb. 9, 110.

⁷⁴ Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. V. II. P., 1939. Pl. L/S, 545-B.

⁷⁵ McKeon. Op. cit. P. 116.

⁷⁶ Vanden Berghe. Op. cit. P. 109.

⁷⁷ Roes A. Achaemenid Influence upon Egyptian and Nomad Art // Artibus Asiae. 1952. V. XV/1—2. P. 19.

⁷⁸ О технике золотых и серебряных ахеменидских изделий см. Moorey P.R.S. The Technique of Gold-Figure Decoration on Achaemenid Silver Vessels and Its Antecedents // Iranica Antiqua. 1988. V. XXIII. P. 231—246.

⁷⁹ The Ancient Art. The Norbert Schimmel Collections / Ed. by O.W. Muscarella. Mainz, 1974. № 156; Settgast J. u.a. Von Troja bis Amarna. The Norbert Schimmel collection. N.Y., 1978. № 178, ill. 178; McKeon. Op. cit. P. 110. Pl. 1. См. также золотой медальон из Vidal collection.

⁸⁰ Morgan J. Découverte d'une sépulture Achéménide à Suse // Memoires de la Delegation archéologique en Perse. 1905. T. VIII. Pl. 4/2—3; Ghirshman. Perse... Ill. 322; Amiet P. Suse. 6000 ans d'histoire. P., 1988. Fig. 87. См. также: Speiser W. Vorderasiatische Kunst. B., 1952. Taf. 111 (unten).

⁸¹ Barnett R.D. Ancient Oriental Goldwork // The British Museum Quaterly (1957—59) 1959. V. XXI. P. 29. Pl. IX.

В Персеполе имелись изделия, выполненные в технике клуазонне, с ячейками, заполненными зеленой пастой⁸². Среди них есть мелкие розетки, полоска и другие элементы золотых украшений. Такова, например, золотая полоска, на которой золотыми перегородками поверхность разделена на мелкие треугольники, заполненные светло-зеленой пастой⁸³, или же сферическая золотая подвеска, разбитая отходящими от вертикальной оси золотыми пластинками-лопастями на вертикальные сегменты, заполненные голубым лазуритом и желтой пастой⁸⁴.

В коллекции Лео Милденберга есть золотой овальный медальон в виде золотой пластинки, на которую в технике клуазонне нанесено изображение: в центре орел, сверху и снизу по лебедю. Это истинное клуазонне — здесь есть вставка бирюзы и заполнение из голубого и красного стекла. Датировка: вероятно, позднеахеменидское время, IV в. до н.э.⁸⁵

В отношении техники, пожалуй, наиболее близкой является золотая бляшка из клада в Пасаргадах. Она круглая, диаметр — 2,9 см, выпукло-вогнутая. На выпуклой поверхности вдоль края ряд зерен. Внутри сложная розетка: четыре призмы в центре восьмилучевой звезды, причем от четырех лучей отходят овы-листочки. Фон из серой пасты, кружки и часть листочков заполнены белой пастой, остальные элементы заполнены бирюзой⁸⁶. Здесь, как и на тахти-сангинской пластинке, сочетание вставок из пасты и драгоценных камней. Выемчатые и перегородчатые гнезда для инкрустации — на золотом згрете и на браслетах из Амударьинского клада⁸⁷.

Вышеизложенное ясно показывает, что тахти-сангинская пластина и в части техники закономерно входит в систему ахеменидских ювелирных изделий.

Возникает также вопрос о характере и значении изображения на тахти-сангинской пластине. У разных народов, чья жизнь связана с верблюдоводством, образ верблюда нашел отражение в фольклоре и религиозных верованиях. Приведем лишь пару примеров. Духом мертвых в ассиро-вавилонских верованиях, согласно текстам, был дромадер⁸⁸. В Пальмире и Дура-Европос существовал культ Арсу. Этот бог был покровителем караванов, и на пальмирских тессерах он часто изображен в образе верблюда или же верблюда и бюста бога. Его также часто изображали едущим на верблюде, такие изображения есть и в Дура-Европос. Арсу повелевал утренней звездой. В Пальмире имелся храм Арсу. Очень популярным он был и в Дура-Европос⁸⁹.

Согласно «Авесте», верблюд (*uštra*) — наиболее ценное животное среди стаога — «крупный скот» (верблюд, конь, бык и осел) (Вид. VII.42). Он связан с Вэрэтрагной — божеством войны и носителем хварена-фарна⁹⁰. Имя божества

⁸² Schmidt E.F. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939. P. 73.

⁸³ Schmidt. Persepolis. II. P. 72. Pl. 41/4.

⁸⁴ Ibid. P. 76. Pl. 43/8.

⁸⁵ Kozloff A.P. Animals in Ancient Art. From the Leo Mildenberg Collection. Cleveland Museum of Art. Cleveland, 1981.

⁸⁶ Stronach. Op. cit. P. 205. Fig. 87. Pl. 157/a, b. О других украшениях из этого клада в технике клуазонне см. ibid. P. 168, 171, 172.

⁸⁷ Dalton. Op. cit. P. 32—35. Pl. 1/23, 116; Зеймаль. Ук. соч. С. 44, 64, 65. № 116—118.

⁸⁸ Heimpel. Op. cit. S. 332.

⁸⁹ Downey S.B. The Stone and Plaster Sculpture. Excavations at Dura-Europos. Final report III. Pt I. Fasc. 2. Los Angeles, 1977. P. 195. Следует упомянуть о верованиях арабов (*Pelliot Ch. Ibil // The encyclopaedia of Islam. New edition. V. III. Leiden — London, 1971. P. 665—668*) и тюрко-монгольских народов (*Menges K.N. Die Wörter für «Kamel» und einige seiner Kreuzungsformen im Türkischen // Ungarische Jahrbücher. 1936. XV; Roux J.-P. Le chameau en Asie Centrale // CAJ. V. V. The Hague — Wiesbaden, 1957. P. 60*). О верблюде в Китае см.: *Schafer E.H. The Camel in China down to the Mongol Dynasty // Sinologia. 1950. II/3—4*.

⁹⁰ Gray L.H. The foundations of the Iranian Religions. Bombay, 1929 (The Journal of the K.R. Kana Oriental Institute. № 15). P. 117—119; Benveniste E., Renou L. Vrtra et Vṛdagna. Étude de mythologie en indo-iranienne. P., 1934.

можно истолковать как «ломающий сопротивление». В посвященном Вэрэтрагне Бахрам-Яште это божество сначала появляется в виде ветра, затем — быка, коня, за ними — в виде могучего и стремительного верблюда с крепкими ногами, огромными горбами, сверкающими глазами (Яшт. 14.4.10—13). Сила, стремительность и ярость верблюда, особенно рвущегося к самке, подчеркиваются в «Авесте» неоднократно (Яшт. 8. 6. 24. 17. 2. 13; 19. 9. 68).

В древнеиранскую антропонию вошли имена, в состав которых включено слово «uštra» — верблюд, к их числу относится и имя основателя религии Zaratuštra — Заратуштра⁹¹.

В позднем среднеперсидском зороастрийском сочинении «Pursišnihā («Вопросы»), своего рода катехизисе веры, содержатся дополнительные сведения. В.А. Лившиц по нашей просьбе перевел соответствующий отрывок по изданию К.Ф. Гельднера: § 32

Строфа 64. «О Спитама Заратуштра, всегда, когда общинник, (свой) религиозный долг полностью выполняет,

Строфа 65. тогда приходит к нему доброе, соответствующее (совершенному для) общины благословение в облике верблюда (uštrahe kəhpra) лучшего, наиболее опьяненного в сильном опьянении».

При этом, как обратил наше внимание В.А. Лившиц, термин afriti («благословение») в сочетании с терминами dahma- («зороастрийская община») и vahhu- («добрый»), употребленными в строфе 65, означает «божество благословения».

В Иране быстроходные дромадеры высоко почитались. В одном из своих рассказов Плутарх относительно этимологии топонима «Гавгамелы» сообщает, что «название это на местном наречии означает „Верблюжий дом“, так как один из древних царей, спасшись от врагов на одnogорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень» (Alex. 31). В этом случае «быстроходный» дромадер, на котором бежал царь, назван Плутархом — κατήλου δρομάδος. Возможно, в основе этого сообщения лежит наличие связанного с верблюдом специального святилища, отражающего зороастрийскую традицию.

Двугорбый верблюд изображен на одном типе монет Куджулы Кадфиза. Среди монет Канишки есть монеты с изображением мужской фигуры с мечом и копьем, с птицей в головном уборе. На этих монетах имеется надпись ORLAGNO — это более поздняя форма имени Вэрэтрагна⁹².

Возможно ли, что принесение в дар верблюда как-то связано с символикой Вэрэтрагны? Конечно, исключить это полностью нельзя, ибо культ этого божества имел разные стороны. Но, пожалуй, настаивать, что это единственная возможность объяснения, нет особых оснований. Обращение к древнейшей части «Авесты» — к «Гатам» открывает иные возможности. Верующий, согласно «Гатам», приносит в жертву Ахура-Мазде десять кобыл с жеребцом и верблюда (Ясна. 44.18). Кроме того, в «Видевдате» верблюд упоминается в связи с обрядами очищения (Вид. 9.2.38). Сакральная сущность верблюда, связь его с культом правителя нашли отражение в письменных сообщениях о раннесредневековой Средней Азии, в древней и раннесредневековой (в частности, в согдийской) среднеазиатской иконографии. В верованиях самаркандских таджиков осколки этих представлений сохранились и донесены до современности: О.А. Сухарева слышала, что во сне «главный святой» предстает

⁹¹ *Mayrhofer M.* Die altiranischen Namen. Wien, 1979. № 19, 62, 126, 390, 416.

⁹² *Rosenfield J.M.* The Dynastic Arts of the Kushanas. Berkeley — Los Angeles, 1967. P. 15, 95. Что касается изображения верблюда на монетах, то есть и более ранние примеры: редкий квадратный тип бронзовых монет Менандра, бронзовые монеты Аза I — см. *Gribb.* Sino-Kharoshthi Coins of Khotan // The Numismatic Chronicle. 1984. V. 144. P. 142.

человеку в образе верблюда⁹³ Американский иранист Д. Рассел предполагает, что верблюд — «сакральный символ Восточного Ирана»⁹⁴, с чем можно согласиться.

Исходя из всего вышеизложенного, изображение на тахти-сангинской пластине можно интерпретировать как сцену принесения в дар храму (и верховному зороастрийскому божеству) верблюда как жертву или, возможно, как участие его в очистительных церемониях. Эту интерпретацию подкрепляет роль верблюда начиная с эпохи бронзы в среднеазиатских культах, тот факт, что ситуация в храме Окса повторила ситуацию в храме Дашлы-3 эпохи бронзы — в обоих случаях найдены изображения со сценой принесения в жертву верблюда.

Итак, пластина из храма Окса относится к числу votives, которые следует датировать ахеменидским временем. Изображение на ней следует схеме, распространенной в монументальном ахеменидском искусстве, которая вместе с тем имела и местные истоки в бактрийско-маргианском искусстве эпохи бронзы II тыс. до н.э. Некоторые особенности позволяют сузить эту датировку. Так, обращает на себя внимание, по-видимому, сознательно осуществленная исокефалия — глаза верблюда и мужчины изображены на одном уровне. Этот принцип, равнозначный стойхедону, характерен для художников поздней архаики и ранней классики. Это и другие особенности делают вероятной датировку в пределах VI — середины V в. до н.э.

Верблюд тахти-сангинской пластины является гибридным и изображен с элементами обобщающей условности.

Весь контекст находки указывает на сакральный характер сцены, что также имеет древние местные истоки, восходящие к эпохе бронзы.

Все вышесказанное делает вероятным местное, бактрийское происхождение пластины. Пластина из Тахти-Сангина обогащает наши представления о столь еще мало изученном искусстве ахеменидской Бактрии.

⁹³ Обельченко О.В. Лявандакская пряжка. К истории ранних кушан // ОНУ. 1968. № 8; Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973. С. 106—110.

⁹⁴ Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахи (К вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; он же. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 31; Обельченко О.Д. Шахривайронская пряжка // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

GOLD PLATES FROM THE OXUS TEMPLE (NORTHERN BACTRIA)

B.A. Litvinsky, I.R. Pichikyan

The authors publish three gold plates out of the 50 gold objects found in the Oxus Temple at Takhti-Sangin. The first gold plate is a half-finished piece without a representation, it is folded in three as the majority of the plates of the Oxus Treasure (now in the British Museum). Its dimensions (45×20×0,5 mm) correspond to those of mediumsize plates of the Oxus Treasure (№ 67, 75, 89, 93). The representation of a winged creature on the second plate (20×20×0,3 mm) is hardly discernible due to deformation and a multitude of creases.

The third plate (19,5×17,5×1,5 mm) is of particular interest. It shows a figure of a man, leading a camel to the left, executed in cloisonné enamel. The man drawn in profile wears a short tight-fitting caftan, confined by a belt, tight trousers, and boots with pointed toes. The colour of the face, legs and arms is yellowish, the caftan is yellow ochreous, the background is white (paste). The head is sketched without details, only the coiffure

is given prominence. He holds the camel's lead in his left hand, and the left arm is bent at the elbow.

The dromedary shown in the left profile follows the man: a small head with a sticking out ear crowns the long neck. The legs are massive, disproportionately short, the tail is long and bushy. The body of the dromedary is yellow-brown (stone inset). The representation leaves no doubt that an iconographic scene favoured in Persepolis was reproduced here. In the Persepolis reliefs 21 out of 23 delegations make gifts of animals. Delegations from Central Asia lead Bactrian camels, Arabs — dromedaries. Given the general similarity, the plate from the Oxus Temple had a different purpose; it depicted a scene with a sacral meaning; a sacrificial offering of a camel to a deity. The authors find the closest analogy to the man in the representations of Bactrians on the Persepolis reliefs (bare-headed in short belted caftans); the rest of the personages on the reliefs are dressed differently. The absence of the headgear is an indication of the Central Asian way of fixing the bridle by running of through the nose. The analysis has shown that the camel is a hybrid of the interspecific crossing of a dromedary and a second-generation bactrian with a smaller hump.

The plate is executed in the «true» cloisonné technique. This and other peculiarities (the design, isocephalia) make it possible to place the plate within the time frame of the end of VI — the middle of V-th century B.C. The representation on the Oxus Temple plate as well as the engraving of a Bactrian on plate № 98 from the Oxus Treasure may be interpreted as a sacrificial offering of a camel to the temple (and to the highest Zoroastrian deity) in order that it can participate in ceremonies of purification.

The gold plates and the other close analogues from the Oxus Temple are an important argument in favour of referring the Oxus Treasure to the votives removed from the treasures of the Oxus Temple.